

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И КОСМОГОНИЯ ДРЕВНИХ ИУДЕЕВ

Проблема взаимоотношений и связей Египта с древней Иудеей и Израилем давно интересовала ученых, ей посвящена целая литература. Здесь нет необходимости ни излагать историю этого вопроса, ни освещать его историографию.

Но перед рассмотрением сюжета надо сказать несколько слов об исторически установленных и ничем не опровергнутых фактах из истории древней Палестины. Палестина и прилегающие к ней Финикия и Сирия развивались исторически неравномерно, но все же в целом позже, чем основные очаги мировой культуры — Египет и государства Двуречья, между которыми и были расположены Палестина, Финикия и Сирия. Население этих стран издревле находилось под мощным влиянием древнейших цивилизаций, возникших и развившихся на берегах Тигра, Евфрата и Нила. Археологические находки и тексты доказывают это совершенно бесспорно. Нет необходимости аргументировать это ссылками на источники и литературу. Египетское влияние в Палестине до появления там иудейских и израильских племен было очень ощутимо, а из писем правителя Иерусалима Абдхиби (тель-амарнский архив и другие данные) точно известно, что во времена Эхнатона (1367—1350 гг. до н. э.) племена Иуды и Израиля еще не обосновались в Палестине.

Поскольку Палестина подчинялась Египту, «представителями египетской власти в стране являлись боги и солдаты. По древневосточному представлению, подданные обязывались чтить богов царя, и завоеватели первым делом вводили в покоренных странах культ своих божеств».¹ Словом, политическое и религиозное влияние Египта в Сирии, Финикии и, в частности, в Палестине засвидетельствовано многими несомненными данными; оно породило религиозный египетско-ханаанейский синкретизм. Осевшие в Палестине кочевые иудейские и израильские племена проникли в страну до последней четверти XIII в. до н. э., ибо Мернепта, сын Рамсеса II, в своей знаменитой «стеле Израиля» повествует о том, как он разгромил ряд стран в этом районе. Мернепта правил с 1224 по 1214 г. до н. э. Следовательно, племена Иудей и Израиля осели в Палестине между годами правлений Эхнатона и Мернепта. Поселившись в Палестине, ассимилировав и поработив местное население, они подверглись влиянию его материальной и духовной культуры. Влияние же Египта не только не уменьшилось, а усилилось, и хорошо известно, что Рамсес III в Финикии и Сирии основывал храмы богу Амону—Ра.²

Конечно, египетское учение об этом божестве не осталось неизвестным на подвластных Египту территориях. В известном рассказе Ун-Амуна

¹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. I, 1935, с. 279.

² Там же, с. 279—280.

библосский правитель Чекер-Баал заявляет о том, что Амон создал Египет раньше других стран и что культура распространилась в Библ именно из Египта. Несомненно, что и в Палестине египетские взгляды на Амона были хорошо известны. Библия — это творчество иудеев и израильтян, в силу всеобщего закона неравномерного исторического развития выступивших на сцену истории позже ханаанеев, народов Двуречья и египтян. Переход иудеев и израильтян от доклассовой структуры к классовой структуре общества был предопределен тем, что они осели в Палестине среди классового ханаанейского общества, этим же была предопределена их культурная преемственность. Перейдя к классовой структуре, иудеи и израильтяне оказались в тех же исторических условиях, что и ханаане до них: они продолжали оставаться под сильным политическим и культурным влиянием древнейших очагов мировой культуры — Египта и Двуречья.

Объективная и научная констатация культурной преемственности, нисколько не отрицая ни самобытности, ни способностей народов к самостоятельному творчеству, освещает процесс истории культуры, объясняет многое, казавшееся ранее исторической загадкой. С тех пор как в 1873 г. английский ассириолог Д. Смит нашел в библиотеке Ассурбанипала вавилонское сказание о потопе, поразившее мир своей близостью к Библии, с тех пор как маститый ассириолог Фридрих Делич в начале этого века опубликовал свой знаменитый доклад «Babel und Bibel» (СПб., 1912), ученые всего мира поняли значение слов этого ученого: «Несомненно, что результаты вавилоно-ассирийских раскопок создадут новую эпоху как в понимании, так и в исследовании Ветхого Завета и что сознание тесной связи между Вавилоном и Библией будет увеличиваться» (с. 4). Эти вещи слова были сказаны более семидесяти лет назад и начали целое направление в науке о древнем Востоке. Египетские же влияния на Библию были как-то оттеснены на задний план от взоров исследователей.

В 1932 г. английский ассириолог Сейс опубликовал заметку, в которой очень тонко подметил общие черты между библейской и одним из вариантов египетской космогонии.³ Моя задача — углубить и подкрепить доводы Сейса, для чего необходимо здесь изложить его наблюдения и выводы. Как отмечает Сейс, капитальная монография маститого немецкого египтолога К. Зете о египетском боге Амоне⁴ побудила его написать эту заметку, тем более что К. Зете в последних параграфах своего исследования указывает на сходство египетского Амона с иудейским Яхве и очень обоснованно говорит, что авторы Библии не скопировали Яхве с египетского его оригинала, а что они Амону воспользовались как образцом для создания образа библейского Яхве.⁵ Эта мысль К. Зете очень плодотворна, и я вернусь к ней далее.

К. Зете в своем труде установил, и это его большая заслуга, что одним из основных аспектов бога Амона было его восприятие египтянами как вездесущего воздуха и ветра, животворящего природного начала, а отсюда развился представление о нем как о духе. Таким образом, верховный египетский бог Амон, «царь всех богов», как его называли египтяне, стал тем, что греки называли πνεῦμα, а Библия — ruah. Это тождественные понятия о верховном божестве. Примерно половина монографии К. Зете, даже больше, посвящена религиозной системе, сложившейся в египетском городе Ермополе. Согласно этой системе, изначально существовало нечто, что было символизировано четырьмя парами извечных божеств: Нун и Наунет — олицетворявшие первоначальный океан; Ху и Хаухет — олице-

³ A. H. S a y c e. The Egyptian background of Genesis, I. Studies Presented to Griffith. London, 1932, p. 419—423.

⁴ K. S e t h e. Amun und die Acht Ürgötter von Hermopolis. Berlin, 1929.

⁵ Ibid., S. 121.

творение бесконечности; Каку и Каукет — символы мрака; наконец, Амон и Амаунет — воздух и ветер. Эти четыре пары были мифологическими образами того, что было до появления мира. Они вместе создали свет, и из них появилась суша, вначале именно тот кусок суши, на котором был основан Ермополь.

Сейс, систематизировав и суммировав приведенные К. Зете египетские тексты и исходя из разъяснений к ним немецкого ученого, в таблице, состоящей из четырех пунктов, отобразил сущность ермопольской космогонии.

Космогония Ермополя

1. Водная бездна, водный хаос.¹
2. Витающий над ней дух.
3. Сотворение света.
4. Появление из бездны «первозданной суши».

Затем Сейс обращается к Библии и, анализируя ее данные о процессе сотворения мира богом Яхве, составляет аналогичную таблицу.

Космогония Библии

1. Водная бездна, водный хаос.
2. Дух бога, витающий над бездной.
3. Сотворение света.
4. Появление суши из бездны.

Сейс вполне резонно отмечает, что такое тождество обеих моделей, ибо это словесные модели космогонии у обоих народов, не может быть случайным.

Далее тот же автор подчеркивает, что в результате религиозной реформы фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) в конце XVIII династии в области религии в Египте на время правления этого царя насильно был установлен монотеистический культ солнечного бога Атона, а культы других богов оттеснены или преданы забвению. Гимн этому богу является, как известно, одним из лучших произведений египетской литературы, а 104-й псалом Библии представляет собой эхо этого гимна.

В изложенном состоят главные наблюдения и выводы английского ученого. Их можно и необходимо подкрепить не менее интересными фактами.

Поразительное тождество моделей обеих космогоний бесспорно. Однако не следует ограничиваться только ермопольской космогонией. Не меньшее, если не большее значение имеет для освещения интересующей нас проблемы метод сотворения мира в библейской и египетской космогонии (здесь термин «египетская космогония» берется в широком смысле и не есть синоним «ермопольская»). Орудием божества в процессе мироздания является божественное слово, слово творца. Это представление встречается уже в Текстах Пирамид. Б. А. Тураев подчеркивает это обстоятельство.⁶ В папирусе Бремнер-Ринд читаем: «Восуществовали все существования после того, как я воссуществовал, и многие существа вышли из уст моих» (26, 22).⁷ Этот текст относится к IV веку до н. э., а Тексты Пирамид — к середине III тысячелетия. Таким образом, представление о творческой силе божьего слова — традиционное и устойчивое явление в египетской религии. В развернутом виде мы его находим в знаменитом «памятнике мемфисской теологии». Несколько слов об истории этого текста. В конце VIII в. до н. э. фараон XXV эфиопской династии Шабака (716—696 гг. до н. э.)

⁶ Б. А. Тураев. Бог Тот. Лейпциг, 1898, с. 19, прим. 4.

⁷ М. М а т ъ е. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, с. 83.

повелед переписать с очень древнего папируса, «изъеденного червями», содержащий в нем текст на черную гранитную плиту. Но с плитой случилась беда: много позже она была использована как мельничный жернов, и часть текста окончательно разрушилась; уже в таком виде текст попал в 1805 г. в Британский музей. Трудными корифеев египтологии, как Брэдстед, Эрман, Масперо, Зете и Юнкер, трудный текст был переведен и прокомментирован, и хотя отдельные места еще вызывают разногласия, общий смысл его не подлежит сомнению. Текст содержит древнюю мемфисскую теогонию и космогонию, в которой демиургом является бог Пта, бог древней столицы Египта — Мемфиса. Папирус, с которого текст был переписан на камень, по языку и письму датируется III тысячелетием до н. э.

Текст очень любопытен и рассказывает о технике процесса сотворения мира богом Пта: оказывается, демиург задумывает в сердце своем (египтяне считали сердце седалищем мысли) акт творения, а потом устами и языком громко произносит, «изрекает слова» (*wꜥ mdw*), и слово претворяет мысль и самое слово в реальность, в бытие. Здесь необходимо подчеркнуть, что эта концепция мироздания возводит один из принципов магии — творческую силу слова — на уровень богословской системы. Далее текст объявляет о том, что боги и все, что существует, были созданы богом Пта именно таким образом.

Сравним этот метод творения с некоторыми местами библейской космогонии: «И сказал бог: да будет свет, и стал свет» (Бытие I, 3); «И сказал бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» (Бытие I, 6).

Дальнейший процесс творения происходит таким же образом: появлению на земле растений предшествуют слова «и сказал бог» (Бытие I, 11), появлению светил на небе — те же слова (Бытие I, 14). Весьма интересно, что о светилах сказано: «Светило большее для управления днем, и светило меньшее — для управления ночью» (Бытие I, 16). Здесь та же мысль, которую мы находим в египетской «Книге Коровы»: бог солнца Ра повелевает богу луны Тоту заменять его на небе ночью. Потом библейский бог повелевает существовать пресмыкающимся, рыбам и птицам (Бытие I, 20—22), а затем следует повеление бога, чтобы существовали звери земные (Бытие I, 24—25). Из приведенных данных можно сделать лишь один вывод: египетские демиурги и Пта в основном создают мир своими словами, библейский демиург Яхве действует точно таким же образом. Для непредвзятого наблюдателя бесспорно, что это не случайное сходство.

В древней Греции ряд философов — Сократ, Платон, Аристотель — разработали учение о Логосе. О Логосе писал и иудейский философ I в. до н. э. Филон, живший и работавший в Александрии. Но Логос греческих философов и Логос Филона не тождественны, только учение Филона вкладывает в Логос представление как о творческой силе в мироздании.⁸ Вряд ли можно сомневаться в том, что Филону Александрийскому было хорошо известно древнеегипетское представление о «слове» как орудии божественного творения. И это учение Филона проникло в одно из евангелий, в евангелие от Иоанна, оно начинается следующими словами: «Вначале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог. Оно было вначале у бога. Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоанн, 1—3).

Нетрудно убедиться, что в этих лаконичных словах сформулирована и предельно четко выражена основная мысль «памятника мемфисской теологии». Итак, совершенно ясно, что египетские представления проникли в библейскую космогонию Ветхого завета и даже в евангелие.

⁸ С. Н. Т р у б е ц к о й. Учение о Логосе в его истории. М., 1900, с. 137.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в палестинском городе Аскалоне египтянами был воздвигнут храм в честь бога Пта и что поклонялись египетскому божеству не только египтяне, но и местные жители.⁹ Отсюда ясно, что учение о боге Пта должно было стать достоянием каких-то лиц из местных жреческих кругов. Эти египетские представления не были перенесены механически в Библию, они не были скопированы библейскими авторами непосредственно с египетских оригиналов: библейский автор или авторы по-своему использовали идеи древних египтян о космогонии и верховном божестве — демиурге, египетские представления послужили для них образцом для создания своей собственной иудейской космогонии. Следует остановиться еще на одном очень интересном пункте, а именно на том, насколько египетский Амон мог быть образцом для создания образа иудейского Яхве. И тот, и другой — боги — невидимы и вездесущи, и тот, и другой — духи, *пневма* и *гуаф*. К. Зете считает, что Амон — прообраз Яхве.¹⁰ Но Амон, «царь всех богов», несмотря именно на это, бог в мире политеизма, он никогда не был и не стал *единым богом*, каким был Яхве. Но это различие вовсе не принципиальное. Около двадцати лет Египет был принужден официально поклоняться единому богу Атону, созданному Эхнатомом. Но преемниками Эхнатона этот культ был ликвидирован, и снова был восстановлен традиционный культ Амона и других богов. Однако культ Атона не прошел бесследно для египетского богословского мышления. В религиозных текстах послеамарнского времени все ярче сквозит идея о едином божестве в лице трех богов — Амона, Ра и Пта. Таким образом, поклонение Амону приблизилось к порогу монотеизма, но никогда не переступило его. Что же касается иудейского Яхве, то представление о нем как изначальном монотеистическом божестве у иудеев и израильтян является домыслом богословской догматики иудаизма и опровергается данными науки. Официально монотеистический культ Яхве был провозглашен шестнадцатым царем Иудеи, царем Иосия в 622 г. до н. э. Из XXI главы 4-й Книги Царств известно, что оба его предшественника (и не только они) поклонялись разным божествам и что ликвидация политеизма в Иудее произошла именно при нем. Среди этих других божеств Яхве был у иудеев главным богом иудейского народа, т. е. он играл в его религиозных представлениях главную, но не единственную роль: здесь есть некоторая аналогия между положением Амона в Египте и Яхве в Иудее. Если мы вспомним, что иудеи и израильтяне осели в Палестине в те времена, когда она находилась под властью египтян, а в Египте «царем всех богов» был именно бог Амон—Ра, то влияние египетской теологии на иудейскую станет исторически понятным.

В заключение надо остановиться на одном очень интересном пункте, подтверждающем влияние египетских воззрений на Библию: во Второзаконии (32, 11—12), в книге Исхода (19, 4), в ряде псалмов (17, 8; 57, 2; 61, 5—6; 63, 8; 91, 4), в книге Руфь (2, 12) говорится о крыльях бога Яхве. «Здесь отчетливо выступает представление о Яхве, как о птице с гигантскими крыльями»,¹¹ как о воплощении небесного божества. Такое представление о египетском боге неба Хоре, культ которого был широко распространен во всем Египте, хорошо известно египтологам. Наличие подобных взглядов в Библии, конечно, не случайное явление.

Глубокое и детальное исследование затронутой здесь проблематики имеет большое научно-теоретическое значение, ибо оно рассеивает религиозный миф об исторической исключительности иудейского монотеизма и является одной из серьезных задач советской библейской критики.

⁹ S. Morenz. La religion égyptienne. Paris, 1962, p. 303.

¹⁰ K. Sethe. Amun und die Acht Götter von Hermopolis, S. 126.

¹¹ И. Г. Франк-Каменецкий. Вода и огонь в библейской поэзии. Яфетический сборник, III, М.—Л., 1925, с. 141.

ANCIENT EGYPT AND THE COSMOGONY
OF THE ANCIENT JUDAEANS

A. H. Sayce. The Egyptian Background of the Genesis (Studies Presented to Fr. Ll. Griffith, London, 1932, p. 412—423) has very ably shown the Egyptian influence on the Bible. This article aims to support and develop the thesis of the British scholar. In addition to the facts gathered by A. H. Sayce, it is necessary to point out the means of creation of the world — in the Bible and in Egypt. This means is the divine word. This is not an exclusive trait of the Memphite theology, it is common to other Egyptian cosmogonies, for instance for the Bremner—Rhind papyrus (26, 22).

It is to be noted that in many places of the Bible God is mentioned as having great wings. But the same is also said about the sky-god Horus, who is depicted as a winged solar disk. These facts, especially bearing in mind that there existed an Egyptian temple in Ascalon (South Palestine), impart reliability to the thesis advanced by A. H. Sayce.
